

Легенды о дневе

16+

Привал

М.В. Рахальский
Ю.Е. Рахальская

Юлия Евгеньевна Рахальская
Максим Вячеславович Рахальский
Привал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51996122

SelfPub; 2020

Аннотация

Там в недрах непоколебимых гор, где правит безмятежно
лютый холод, живет во мраке глубины, безликий голод...

Во времена, когда люди и гномы только начинали освоение горных земель с целью добычи необходимых минералов, у обоих народов не хватало ресурсов, и им часто приходилось объединяться для совместных экспедиций. Тогда никто из них даже не мог представить, что они найдут среди скал и расщелин гор Брутц. Для совместных экспедиций король гномов Дваров Герс Четвертый и представители короля людей в лице семей Санант и Лизэли совместными силами создали смешанный отряд из сорока участников, где было поровну гномов и людей. Для составления карт и описаний минералов в состав отряда входили пятеро ученых под подчинением одного из ведущих геологов, гномьего ученого Бандира Драсса. Охрану и сопровождение отряда обеспечивали шестеро гномьих воинов и шестеро воинов людей, командовал охраной один из десятников войск людей Румел Майзар. Для обеспечения отряда пропитанием были выбраны два повара из местных трактиров. Командование экспедицией было отдано одному из людских сотников Августу Байросу, другу детства Румеля, который и пригласил своего товарища принять участие в экспедиции вместо очередного набега на эльфийский лагерь. На рассвете Август Байрос отдал приказ о выдвижение отряда в горы. Уже тогда экспедиция провела четыре месяца в пути, преодолевая глухие леса и водоемы. Мулы, которые тащили на себе все необходимое: пищу, инструменты, лекарства и снаряжение, частенько за-

стревали с телегами во время переправ, из-за чего начальное время пути с полутора месяцев растянулось практически на полгода.

Добравшись до подножия горы, они разбили очередной лагерь, где после трех суток готовились к восхождению. Отряд направился к горной тропе на пути к северной вершине, геолог Бандир Драсс без умолку бухтел себе под нос и с недовольным лицом рассматривал листы, остальные учены бегали вокруг него, подавая ему все новые и новые записи. Именно эта муравьиная суета и раздражала старого гнома. Он понимал, что ученые, которые пошли с ним, были совсем еще юными и пытались фиксировать все, что видят. От насекомых до цвета очередного булыжника. Так продолжалось полдня, пока Бандир резко не остановился. Он кинул все записи, которых было уже с две сотни и прокричал:

– Вы жалкое подобие ученых с кривыми руками, если не можете нормально расставить приоритеты и делать только важные пометки, то не пачкайте бумагу! Разве я вас о многом прошу?

На что один из ученых резко выдохнул и произнес:

– В отличие от вас мы не ходим без дела, идти с недовольным лицом, уставившись в бумажки, может любой из нас. А вы вместо того что кричать, лучше бы тоже вели записи.

Гном обомлел от такого хамства, но все же натура ученого и культурное воспитание не давали ему сорваться в базарный лай с подчиненными, и он только сухо произнес:

– Я, мой дорогой товарищ, и веду их. Только в отличие от вас не описываю каждый камушек и травинку, которую увидел. – Гном демонстративно сунул под нос огрызнувшемуся подчиненному небольшой кожаный дневник, где аккуратно руна к руне были выведены угольком записи. – Всего шесть листов потребовалось мне, чтобы зафиксировать четыре месяца пути. Почему-то вы, юные геологи, сочли не нужным описать места болот, рек и озер на подходе к горам. Именно это мы должны будем передать господину Йорвасу для составления карт местности.

Один из ученых посмотрел на гнома. Он единственный не бегал всю дорогу к нему с листами записок и только сейчас решил показать свой дневник. Протянув его гному, он ухмыльнулся.

– Замечательно! – Воскликнул Бандир. – Вот пример умелой работы, господин Изитштерн, пока вы занимались ерундой, смог зафиксировать в художественном стиле все, что окружает нас.

– Благодарю за похвалу, господин Бандир, я почитал это лучшим подарком для господина Йорваса при воссоздании карт.

Тут в разговор вмешался Румель:

– Мне кажется, первой задачей экспедиции понять, стоит ли вести разработки шахт в горах или нет, разве не так?

– Коллега солдат, – вежливо, но с нотками пренебрежения начал свою речь Бандир. – Первоначальная задача экспеди-

ции все же составление подробных карт. Причем этот указ издал ваш король. Он хотел бы в случае подходящего ландшафта возвести здесь острог, через который наши государства смогут вести выгодную торговлю и разработку шахт.

– Если будет что разрабатывать – сквозь зубы процедил Румель и решил больше не вмешиваться в перепалки среди ученых.

Он нагнал своего друга и с улыбкой тихо спросил:

– Скажи, Август, почему ты предпочел компанию этих ученых, славной битве?

– Будем честны друг перед другом. В очередном набеге на эльфов мы получим меньше золотишка, чем за экспедицию – улыбнулся сотник.

– Лучше уж меньше золота, но держаться подальше от этих зануд.

– Неправильно, Румель, лучше больше золота и держаться подальше от этих зануд – засмеялся Август.

За долгий путь экспедиции, оба мужчин не раз вступали в перепалку с учеными. Иногда эти зануды вели себя словно дети, окрыленные своими, только им понятными идеями, носились из стороны в сторону. Однажды господин Бандир упрекнул Августа в том, что он скверный командир, поскольку трое из ученых пропали, пока все были на привале. В ответ гном получил тяжелым кулаком Августа в бороду, а за учеными был послан отряд, который нашел их купающимися в озере. Ученые тоже получили тяжелым кулаком

Августа по челюсти. После этого, окрыленность сменилась страхом, и остаток пути они, подобно утятам, не отходили ни на шаг от Румеля, чем и его успели изрядно достать.

Когда Бандир закончил отчитывать своих подчиненных, отряд двинулся дальше. Снег под полуденным светом солнца блестел и переливался нежно-голубым. Проведя шесть часов в пути отряд продвинулся в глубь горного массива. На пути к первой вершине отряд начал окутывать легкий серый туман. Если бы они оставили обозы с продовольствием внизу, то до первой вершины дошли бы всего за пару часов, но бросить там все не было возможным. Первую часть пути было решено пройти с обозами. Они хотели разбить лагерь среди горного массива и дальше исследовать первую вершину уже без отягощающих лошадей, мулов и телег. Румел Майзар шел позади отряда и внимательно осматривал окружающую обстановку, он оглянулся назад и увидел, как пройденный ими путь начало медленно затягивать туманом. Румел ускорил шаг и догнав Августа тихо произнес:

– Август, оглянись назад.

Август посмотрел на Румеля и произнес:

– Да я видел этот туман, – Нам нужно найти укрытие и переждать ночь, возможно с рассветом он исчезнет.

– Вроде мы хотели разбить постоянный лагерь, на время исследования первой вершины? – переспросил Румель.

– Хотели, но сейчас начнет темнеть, а подходящего места мы так и не нашли. Встать среди скал с животными, где нет

в доступе воды – это не совсем профессионально.

– Будь по-твоему, но думаю лучше остановиться. Если туман заволочет все вокруг, в горах мы будем, как слепые котята. – Румель скривил лицо, он видел, как бегают глаза Августа и понимал, что погодная ситуация его другу точно так же не по вкусу.

Темнеть начало очень быстро, солнце опускалось за вершины и уже практически не было видно пути. Тогда Август увидел небольшую пещеру:

– Всем стоять! Дальше мы продолжим свой путь на расвете, а сейчас разобьем лагерь рядом с пещерой, все не раскладывайте, нужно провести только одну ночь – скомандовал Август.

Уставший отряд остановил животных и начал разгружать только необходимые вещи. Было решено палатки не ставить, а лучше войти внутрь пещеры и там скрыться от возможных осадков. Животных оставили на улице, а рядом с пещерой и телегами выставили двух часовых, которые следили за тем, чтобы не хищники или случайные бандиты не спугнули лошадей с мулами и не растащили вещи, пока все будут отдыхать. Экспедиция начала постепенно разбивать лагерь, ученые готовили спальные места, а солдаты разгружали уголь для поваров и тащили припасы. Разведя костер, повара вытащили большой котел. Тем временем Румель решил усилить караул на выходе из пещеры. Он не мог объяснить внятно своего решения, но Август, знающий его с детства, решил

не вдаваться в подробности. Подозвав к себе двоих солдат, сидевших на камне, десятник сказал:

– Бойцы, вы оба заступаете в караул, среди ночи вас сменят, а до тех пор охраняйте вход. Лучше вас будет стоять четверо.

Солдаты с недовольными лицами направились в сторону своего поста, что-то бубня себе под нос. Румел понимал, что после долгого пути всем хотелось отдохнуть, но безопасность отряда была приоритетней.

– Хватит бухтеть, вы солдаты или юные девицы на прогулке? Будто в первый раз в караул идете – с ухмылкой произнес Румел.

Выставив караулы, он проследовал в палатку Августа, стоящую в глубине пещеры. Командир, единственный, кто решил выставить ее, но поскольку другие будут без палаток, он собрал ее сам. Август любил тишину, ведь шум мыслей в его голове не давал ему покоя ни на минуту. Он провел много лет на полях сражений, и, оставаясь в одиночестве, раз за разом вспоминал лица всех потерянных товарищей по оружию. Румел вошел в палатку и произнес:

– Ты снова решил помучить себя бессонной ночью?

– Знаешь, Румель. Мне с годами все тяжелее на душе. Я не могу забыть лица тех, кто воевал вместе со мной, но еще страшнее от того, что лица убитых преследуют меня по ночам. Если быть честным, я только из-за этого недуга, если так можно выразиться, и пошел в экспедиции. Меньше кро-

ви, отсутствие врагов. Тут только природа может навредить, и то если ее спровоцировать.

Румел прошел к центру палатки, где на земле стоял кувшин с вином, и сел на расстеленную волчью шкуру. Август взял кувшин и, протянув Румелю, спросил:

– Как обстановка в лагере?

– Обстановка нормальная, но не она меня волнует, а этот странный туман. Словно внутри все заморозило. Я даже причину укрепить караул не могу найти, просто чувствую, что нужно – произнес Румель.

Август сделал несколько глотков из кувшина, который отдал ему Румель, и протянул лежавший рядом потертый кожаный дневник.

– Что это? – с удивлением спросил Румель и взял в руку дневник.

– Это мои записи, которые я вел на протяжении всего пути. Туман, который ты видел, следует за нами с тех пор как солнце начало скрываться за горными вершинами. Он не просто движется, а словно специально преследует нас.

– А я думал, это я параноик из нас двоих. Ты, Август, похлеще будешь – улыбнувшись, сказал Румель.

– Параноик или нет, но, когда я заметил это явление, мне стало не по себе. Я даже не представляю, нормально это или нет. Кто знает, кто водится в этих горах. Не дай бог тут ковен угнезвился. Ты сам знаешь, что их почти всех истребили в лесах на передовой с эльфами. Вдруг и тут эти мерзкие тва-

ри водятся. Не хотелось бы с ними столкнуться, скажу тебе честно.

– Не уверен. По слухам, последний ковен был уничтожен магом Бауром ещё лет пятьдесят назад – Румель смотрел на дрожащие в страхе глаза своего товарища.

– Это на передовой. У меня отец рассказывал, когда мальчишкой был, что наткнулся в лесу на один из этих ковен, да так бежал от них, что лапти потерял. Вот и мы, Румель, наткнемся на них и побежим отсюда так далеко, сверкая пятками, как никогда не бегали. – Август действительно испытывал дискомфорт только от одной мысли, что кто-то из тех древних тварей мог еще уцелеть.

Румель был ошарашен словами своего друга, и с недоумевающим видом начал внимательно читать записи из дневника, с каждой страницей взгляд его становился все напряженней. Прочитав записи, Румель с ошарашенным взглядом поднял голову и произнес:

– Знаешь, лучше нам эту ночь аккуратно переспать. Но уверяю тебя, нет тут никаких древних ковен. Лучше выдохни и пойдем ужинать.

Мужчины так и сделали. Они понимали, что страшные сказки, которые из поколения в поколения передаются им, играют злую шутку даже со взрослыми вояками, но нутро тревожно сжималось у обоих, что заставляло настороженно смотреть вглубь пещеры и еще осторожнее наружу.

В центре пещеры тихо потрескивал костер, над которым

весел большой котел с наваристым бульоном, его запах наполнял каменные своды тонким ароматом трав и специй. Тем временем Бандир занял место на камне неподалёку у костра и, потягивая старую резную трубку, накручивал на указательный палец конец своей длинной рыжей бороды. Август прошел к выходу из пещеры по пути разглядывая обстановку в лагере, оказавшись у стоявших на посту солдат, он произнес:

– Заметили что-нибудь подозрительное? – мужчина попытался взглянуть в темноту, царящую на улице.

Оба солдата, которых Румель выставил у входа переглянулись, и в один голос произнесли:

– Нет, ничего подозрительного замечено не было.

Август молча кивнул головой и вышел из пещеры. Свет лун сквозь туман разливался на белом снегу темно-синим отливом. Одна из них сияла, словно серебряная капля на черном небе, другая же завораживала всполохами света, подобно тем, какие бывают у солнца. Посмотрев на луны, что два змеиных глаза следили за их экспедицией, Август тяжело выдохнул и замер. Он скучал по своей семье, которую он оставил дома. Рождение дочери было одной из причин, по которой Август покинул военные действия и нашел себя в более спокойном ремесле. Для семьи ничего не менялось, супруга все так же не видела мужа по году, но сам Август знал, что теперь он сможет растить ребенка, не рискуя сложить голову в безумной пляске с эльфами на передовой.

Вдруг тишину и спокойствие нарушил дикий рев, раздавшийся из пещеры. Август, не раздумывая, рванул в сторону поста. Солдаты стояли, оцепеневшие от страха настолько, что при свете лун было видно мокрые пятна на штанах. Первобытный ужас, буквально сковал их тела, оставив возможность только наблюдать. Не обращая на них внимания, Август резким движением вытащил нож из сапога и вбежал в пещеру. Все, кто находились внутри, стояли, держа в руках то, что успели схватить, и смотрели в глубь. Кто-то из них дрожал и молился, нервно оглядывая все, что его окружало во мраке. Кто-то же пытался приблизиться, медленно перебирая ногами к остальным, чтобы те прикрыли ему спину. Август остановился и прокричал:

– Что здесь происходит, сукины дети?

Румель кинул меч Августу и произнес:

– Если это не храп Бандира, тогда я не знаю, что вообще может издать такой рев!

Рассмеявшись, Бандир сменил кусок полена, стоявший рядом с камнем, на котором сидел, на топор для рубки, рядом с которым теперь оказался и произнес:

– А я думал это топот твоих ног, убегающих в страхе из пещеры. Ответил Бандир.

– Шутки сейчас совершенно лишние – громко произнес Август. – Всем молчать!

В пещере мгновенно исчезли практически все звуки. Тишину нарушал только тихо потрескивавший костер и нерв-

ное дыхание испуганных до полусмерти поваров и ученых, которые в битвах в отличие от остальных никогда не были. Август осторожно начал продвигаться вглубь пещеры, но подойдя к черте, разделявшей тьму глубин и свет костра, резко остановился и замер, из-под его ног медленно тонкими струйками, словно кто-то лил манную кашу, начал выползать серый и плотный туман. Август сделал несколько шагов назад и тихо произнес:

– Всем медленно, без лишнего шума отходить назад – солдат боялся. Он не понимал, что сейчас произойдет, только нутро подсказывало уходить.

Члены отряда медленно пятились в сторону выхода, стараясь не отводить взгляд от тьмы, из которой продолжал сочиться туман. Но тут случилось то, чего никто не ждал. Бандир, отходя назад, споткнулся о торчавший из костра кусок длинного полена и, упав на спину, завалил на себя горячий котел. От боли, гном дико завопил, ощущая, как обваренная кожа на лице и руках слетает лоскутами с него, оголяя мясо. В этот момент в пещеру вбежали набравшиеся храбрости солдаты, стоявшие на постах. Но как только они вышли на свет костра, туман кинулся в сторону отряда. Казалось, что это живое существо. Демонический серый туман в одночасье заполнил пещеру и, словно inferнальное порождение ужаса, начал рвать без жалости всех, кто попал в него! Пещеру наполняли крики, хлюпанье разрывающейся плоти и хруст перемалывающихся костей. Август отскочил назад и

прокричал:

– Бегите из пещеры, скорее бегите!

Румель размахивал мечом, пытаясь хоть как-то отбиться от лап кровожадного туман, но это дикое животное поглотило его без капли жалости. Август, отпрыгнув к костру, замер, едва дыша. Он начал оглядываться. Туман поглотил всех, кто был в пещере кроме него. Какофония адской бойни тут же утихла, забрав с собой жизни тех, кто был с ним рядом. Август пытался найти глазами выход из пещеры, но было уже поздно, туман окутал все, оставив не тронутым только его, стоящего рядом с остатками дотлевающего костра.

Военный опыт оказался ничтожным перед опасностью, невиданной доселе никем. Август, словно потерявшийся волчонок, стоял один посреди пещеры, в которой только что кипела жизнь, и все что у него крутилось в голове – это его дочь и семья.

Стараясь не впадать в панику, Август взял сторевшее на половину в костре полено, и зажимая его в одной руке, а в другой руке держа меч, осторожно двинулся сквозь туман к выходу из пещеры, но проклятая пелена в секунду обвила Августа и поглотила остатки света. В темноте раздался короткий резкий крик боли и в пещере вновь воцарилась тишина. Туман медленно начал уползать по стенам пещеры обратно во тьму глубин, оставив пустой лагерь, лишь слегка потревоженный суетой тех, кто был здесь.

С того времени, как отряд был убит в недрах пещеры, про-

шло почти шесть дней, в головах королей Дваров Герса Четвертого и Вильяма Дер Баарена уже плотно засела мысль о том, что экспедиция провалилась, но спешить с выводами они не хотели. Послать на поиски экспедиции еще людей, могли позволить себе только гномы, к сожалению, люди были заняты военными действиями и не смогли бы выделить достаточное количество душ на поиски экспедиции.

Его глаза открылись, так же резко, как и потух мир. Голова раскалывалась на куски, он судорожно пытался ощупать ее, но кроме липкой, ссохшейся кусками на волосах крови ничего не нашел.

– Кровь не моя! – резко пробежала мысль. Август попытался подняться, но его руки не находили упора, постоянно попадая в липкую, скользкую дрянь. Он пытался выхватить хоть что-нибудь из непроглядной мглы взглядом, но глаза никак не привыкали ко мраку.

Август продолжал ощупывать то, что было вокруг, судорожно дыша. Мгла казалась густым киселем, проникающим вглубь легких. Она забивала их и заставляла жадно выхватывать воздух. Все напоминало кошмар, где его лишают кислорода!

Вдруг, рука наткнулась на что-то гладкое, Август тут же успокоился, а нервное дыхание стало ровным, будто и не бы-

ло этой звериной паники. Приподнявшись на колени, он начал ощупывать находку. Гладкая, круглая, она явно отличалась от камней, что были в этой проклятой пещере. Руки Август дрожали, а пальцы аккуратно продолжали ощупывать предмет. Шероховатости в нижней части, глазницы, зубы.

Проклятье! Сука... – испуг сменился обреченным стоном.

Это был череп. Найдя в себе силы, Август судорожно и хаотично стал копать в слизи, что была повсюду. Он нашел меч, истлевшие кости, свежие оторванные руки и куски тел.

Слезы неконтролируемо катились по замазанному лицу Август. Мужчина осознавал, что это конец. Ощупав меч, он понял, что это Клеймерганд Румеля. Среди камней и останков была вся экспедиция! Скользящая липкая каша не позволяла ему подняться. И страх, что под его ногами может быть чья-нибудь печень или оторванная голова...

Воин охватила паника, страх и безысходность. Август не знал где он, не знал, что за дьявольский туман, словно молочная пена, уничтожил лагерь возле пещеры. Горы Брутц стали братской могилой, а не находкой столетия. Август крепче прижал к себе найденный меч и попытался успокоиться.

Разум хоть и отказывался повиноваться, но Август понимал, что погибать среди кровавых останков экспедиции он не хочет. Двигаясь на четвереньках по омерзительной слизи, он начал свое спасение. Найденный Клеймерган он тащил с

собой, сжимая его ледяной дрожащей рукой. Тоннель был прямой. Он не знал сколько времени полз, подобно трактирному алкоголику, но вскоре его руки нашли твердые шершавые камни.

Больше всего его удивляло то, что он остался полностью цел, только голова болела от потери сознания. Он пытался понять, что с ними произошло, вспоминал только туман, жуткий ужас и крики.

Нечто не похожее даже на страх, который он уже неоднократно испытывал в битвах, разлагало сознание и заставляло кровь в венах сворачиваться, подобно кислому молоку. Еще сильнее давила абсолютная, словно извращенная тишина. Она налегала со всех сторон, пытаясь проникнуть в голову так глубоко, как только могла. Тяжелое дыхание и нервные всхлипы его самого изредка нарушали эту могильную тишину.

Август продолжил ползти, он пытался взять себя в руки, но каждый метр, что он проделывал по туннелю давался с трудом. Мужчина тихо всхлипывал, попеременно издавая жалостные тяжелые стоны. Запах мокрого плесневевшего камня проникал в нос, но сейчас, когда под руками солдата больше не было слизи и останков, он почувствовал ужасную вонь. Нет, она не была похожа на трупный смрад или гниль, которую за годы службы пришлось не раз понюхать. Вслед за вонью по ушам, разрывая тишину, ударил громкий писк! Вой. Он понимал, что перед ним в смертельной тем-

ноте что-то ест. Слышал, как оно рычит, слышал чавканье и хлопанье разрываемой им добычи. Ужас заставлял закрыть глаза, зарыдать, забыв о мужестве, свернуться подобно ребенку и заплакать, умоляя все это быстрее закончиться!

Август не видел существа, но понимал по хрусту костей и лязганью зубов, сминающих плоть, что тварь очень опасна. Понимал, что она сидит во мраке и наверняка уже чувствует свежую плоть, слышит его дыхание, биение сердца. Он боялся, сам не понимая, чего. Страх смерти за несколько мгновений отошел на задний план, услужливо выпустив на сцену безумия, страх неизведанного! Август боялся не исхода, а того, кто повлечет это. Боялся увидеть и почувствовать того монстра, который сейчас сидит перед ним в туннелях.

Вдруг солдат услышал, как эта тварь двигается, запах приближался, а вой, что иногда издавало чудовище, становился громче. Август, вжавшись, оперся спиной на холодную каменную стену, и, словно мальчишка, обнял меч, которым по задумке создателя, должен был защититься от ужаса, скрывающегося во мраке. Гримаса исполосовала его лицо, как вдруг, тяжелое дыхание зависло над его левым ухом.

Август резко заорал, разрывая тишину туннелей, и что было сил, вонзил клинок туда, где только что был звук! Он услышал пронзительный писк, не такой, который издают крысы. Почувствовал силу, что навалилась на меч. Нечто ревели и дергалось, но солдат не выпускал оружие из рук, даже не понимая, что удерживает его за лезвие. Тварь скрылась

во мраке, вырвав оружие, и унося свой запах и визг куда-то высоко вверх, оставив солдата на произвол судьбы. Август, плюнув на все, вскочил на ноги, и побежал. Забыв о ужасе и кромешной мгле, он пробежал с десятков метров, пока не запнулся о что-то твердое и не повалился на острые камни, которые расплосовали ему лицо и колени! Он слышал хруст и ногу объяло тепло. Крик человека снова заполнил мглу, в очередной раз давая понять ее обитателям, что пища где-то близко.

Он не мог найти в себе силы встать, только стонал и прижимал к груди изрезанные ладони. Нога была сломана, голень попала между камней и кровоточила, зияя белой, как снег, костью из-под перепачканной штанины. Надежда спастись окончательно стала покидать Августа. Он лежал, дрожа от судороги, ожидая конца. Прележав с час на ледяных камнях, истекая кровью, он начал замерзать. Внутри него, подобно трупному червю закопошилась мысль, что он солдат. Он всю жизнь готовился к испытаниям, преодолевал страх и сейчас, поглощенный первобытным ужасом и паникой, готов просто свернуться калачиком и быть съеденным тварями, мглой или туманом. Не желая мириться с этим, Август все же нашел в себе сил и, стискивая от боли зубы, смог усадить себя на камни. Он разорвал и без того разорванную рубаху на лоскуты и перетянул ногу, чтобы остановить кровь. Артерий не были задеты костью, но Август, понимал, что если увидит белы свет, то навсегда останется ка-

лекой. За ногой он перемотал и руки, что были беспощадно искромсаны острием меча. Несколько пальцев были скрючены и отказывались двигаться. Лезвие разрезало связки, и он чувствовал, как они торчат из глубоких ран на ладонях.

Проведя несколько минут сидя на месте, но чувствуя, как крови становится меньше, Август, аккуратно спустился опять на камни и пополз вперед по тоннелю, стараясь не потерять сознание. После его крика, загробную тишину больше ничего так и не нарушило. Этот факт невольно заставлял думать лишь о двух вещах, либо в тоннелях больше никого нет и рано или поздно, он выберется на поверхность, или эти создания таятся в темноте, идут за ним, не издавая звуков и ждут, когда он совсем ослабнет, чтобы наброситься на него! Он погрязнет в шуме хрустящих костей и собственных криков с непрерывной болью и агонией, пожирающей тело!

Попытки отогнать от себя весь ужас, который скопился на подкорке не приводили ни к чему хорошему. Только всхлипы и слезы наполняли стены, заставляя тишину отступить на несколько мгновений, после чего Август снова начинал ползти и только методичное шуршание одежды о камни сопровождало его, отдаленно напоминая о том, что он жив, а не находится в ужасном сне, который, словно спектакль, окружил его, заставив играть главную роль.

Продвигаясь все дальше по туннелю, Август стал слышать где-то вдалеке неразборчивое журчание. Сначала оно показалось ему речью, но подползая ближе, солдат понял, что это

ручей. Вода – это то, чего ему не хватало уже несколько часов. Кровь продолжала сочиться, а во рту все сохло с неестественной силой. Чувство голода покинуло Август уступив место ужасу, но вот жажда, словно предсмертный аккомпанемент, не отступала и продолжала свою мучительную мелодию.

Проползав еще с несколько часов, Август окончательно выдохся, он так и не смог найти туннеля, который ввел бы к журчанию. К великому горю, сеть пещер была огромной, но не о какой естественности и не шло речи. Август догадывался, что природа не может так гладко обрабатывать камень. Последний час он ползал по искусно сделанным катакомбам, только не понимал, кому они могли принадлежать. Рассудок совершенно отказывался повиноваться ему, в глазах все плыло. Мужчина остановился и распластавшись на ровном каменном полу начал рыдать. Впервые этот волевой воин был готов сдаться, признать свою никчемность и сыграть по правилам пещеры.

Сожаление о собственной скорой смерти словно удары били по его самолюбию, заставляя жалеть себя, признавать слабость и просить о пощаде каменные стены, наполненные ужасом и смертью. Ноги уже не могли шевелиться, а волоклись за ним последний час, словно что-то инородное, руки были ледяными, слух будто затухал. Август просто лежал и рыдал, жалея самого себя, пытаясь побороть внутри чувство несправедливости, горечи. Больше всего его раздражал не

сам факт собственной скорой смерти, а то, что эта смерть решила похоронить его вдали от дома, под тоннами камня, тем самым давая понять, что он не достоин обычной смерти. Глаза Август потихоньку начинали смыкаться, и он больше не нашел в себе сил бороться.

Вдалеке послышались шаги!

Август резко поднял голову, словно в мгновение ока забыл об усталости, всеобъемлющей слабости и покалеченном рассудке. Он что было сил закричал во мрак непроглядных тоннелей:

– Кто здесь! Помогите...

Но вдруг шаги остановились. Август понял, что сделал самую большую ошибку. Он навлек на себя беду, куда более страшную, чем смерть среди холодной темноты. Шаги сменились бегом, и вдруг он почувствовал раздирающую боль! Существо, которое он так боялся увидеть, вцепилось в его плечо и подкинуло вверх, словно тряпичную куклу. Вдруг, мрак стал сменяться светящимся туманом, и окутывал его и ужасного монстра, чьи зубы с хрустом перемалывали его ключицу, ревностно отрывая кусок плоти! Пелена перед глазами сменилась кровавой липкой струей, а туман сгустился вокруг последнего пира, на котором Август был главным блюдом.

Испытывая сильнейшую в своей жизни боль, Август открыл глаза. Он был в ужасе от того, что все еще оставался жив! В то мгновение казалось, будто дикий монстр поглотит его и навсегда заставит потухнуть взгляд, но нет. Август с трудом вздыхал, даже не понимая, где он находится. Казалось, он лежит на каком-то каменном алтаре. В нескольких местах медленно трепыхались огарки свечей, и солдат с ужасом понимал, что монстр вырвал ему целый кусок плеча, навсегда оставив без правой руки. Август тяжело вздыхал и пытался хоть как-то подняться, но все было тщетно. Левая рука оказалась нетронута, только пальцы, связки которых он перерезал мечом были обглоданы! Август совершенно не понимал, что сейчас происходит и где он. В месте, где демон вырвал ему кусок плоти не было крови, только обожженная плоть, причиняющая боль похлеще сломанной ноги. Солдат пытался в тусклом свете свечей разглядеть где находится, но все что он увидел – это то, что сломанная нога тоже была откушена.

– Faabud saahrin.

Август в ужасе повел взглядом туда, откуда послышались эти слова! Он не хотел больше видеть этих существ, но вдруг, в комнате зажегся свет! Он лежал в прямоугольной комнате, выточенной прямиком в камне и украшенной непонятными орнаментами. Действительно, он был на каменном алтаре, и у него отсутствовали части тела. Он с болью зашипел, пытаясь издать крик, от непонимания того, как до сих пор остае-

ся жив! Вырванное плечо, оторванная нога, несколько пальцев. Крови было столько, что он потерял сознание в той мгле пещер, но сейчас он живой был здесь. Здесь – только неизвестно где.

Снизу, прямо из-под алтаря Август слышал неразборчивое шипение, рык. Он не хотел знать, что находится снизу, но и то, что предстало его взгляду под действием магического света заставило зрачки расшириться, а каштановые, перепачканные грязью и кровью волосы, побелеть, словно он был стариком! Лицо Августа исказилось в мучительной гримасе. Он уставился на монстра, который протянул к его голове руку и затянул на неизвестном языке свою песнь.

Слова были неразборчивы, непонятны. Август чувствовал, как что-то внутри него начинает искажаться, сначала пустеет, а пустота заменяется скверной. Он чувствовал, как внутри все крутит, словно кто-то перемешивает его органы, кости ломило, как при жаре, а рука монстра сжимала голову все крепче, начиная читать быстрее и быстрее свои слова.

Август пытался кричать, но вместо крика из его пересохших, заляпанных кровью губ, вырывался только силпый выдох, заменяющий человеческую речь на рык, подобно тем, кто прятался внизу, во мраке! Солдат видел, как его руки начинают изменяться, пальцы удлиняются и покрываются шерстью, вместо изувеченной ладони он видел худощавую звериную лапу, ноги неестественно изгибались, и потускневший разум Августа отдаленно воспринимал их хруст и из-

менения, спина изгибалась. Лицо вытянулось и совсем перестало напоминать человеческое, а спина покрылась острыми как бритвы шипами, изредка напоминающими шерсть! Копчик удлинился, разорвал истрепанные штаны Августа и превратился в хвост.

Ряд острых клыков разорвал десна и небо Августа, а глаза побелели и приобрели вертикальный зрачок. Рука неизвестного создания отпустила голову солдата. Август закрыл глаза, не понимая умер он или нет.

Монстр притаился в глубине пещеры, его крючковатые звериные лапы осторожно сжимали кусок человеческого тела, а клыки разрывали плоть. Неизвестный доселе ни человеку, ни гному он медленно поедал плоть, сидя во мраке пещер. Изредка в его голове проносились воспоминания. Он, словно околдованный, знал того, кого обгладывал. Помнил его имя, как он попал сюда, но увы, разум не мог сопоставить голод с тем, что сейчас в руках его были прогнившие останки Румеля.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.